

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH16150-75>

Магарамов Ш.А.

к.и.н., старший научный сотрудник,

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

sharafutdin@list.ru

ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА ГОРОДА ДЕРБЕНТА В VI–XIX ВВ.

Аннотация. Этно-демографическим процессам и конфессиональному облику Дербента посвящен ряд научных публикаций, подготовленных с привлечением широкого круга источников и материалов. Вместе с тем, данную проблему нельзя считать полностью изученной. Проблема этнического и конфессионального состава Дербента средневековой эпохи и нового времени не рассматривалась в широком временном разрезе с привлечением архивных документов. Наиболее полную картину этно-конфессионального состава Дербента можно воссоздать, основываясь на данных разного характера источников, в том числе нарративных источников и архивных документов. В настоящей работе нами ставится цель воссоздать наиболее полную и объективную картину формирования этнического и конфессионального состава Дербента в контексте внешнеполитических событий региона с VI и до конца XIX в. Верхняя хронологическая граница предлагаемой статьи определена с учетом проведенного дагестанскими этнографами М.-Р.А. Ибрагимовым и М.М. Магомедхановым исследования этно-конфессионального состава Дербента периода конца XIX – начала XXI в. на основе переписей населения. В статье предлагается аргументированная авторская позиция относительно этнического состава населения города Дербента в сасанидский, арабский, сельджукский, предмонгольский и последующие периоды. Проведенное исследование показало, что на этно-конфессиональные процессы средневекового Дербента в значительной степени повлияли события внешнеполитического характера в регионе: в разные периоды в зависимости от внешнеполитической ситуации менялся удельный вес того или иного этнического компонента, в городе доминировали представители той или иной конфессии. С начала периода Сельджуков начался активный процесс тюркизации населения Дербента, который продолжался в течение последующих периодов. Как результат, по данным посемейных списков 1886 года, 3/4 населения города составляли тюрки (совр. азербайджанцы), остальная 1/4 часть – евреи, армяне и русские.

Ключевые слова: Дербент; этно-конфессиональный состав; колонизация; Сасаниды; арабы; тюрки; Сефевиды; Османы; армяне; евреи; русские; шииты; сунниты.

© Магарамов Ш.А., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH16150-75>

Sharafetdin A. Magaramov,
Ph.D. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
sharafutdin@list.ru

ETHNO-RELIGIOUS COMPOSITION OF DERBENT IN THE VI–XIX CENTURIES

Abstract. A number of scientific publications with the involvement of a wide range of sources and materials have been devoted to the study of ethno-demographic processes and religious composition of Derbent. However, this issue cannot be considered fully understood. The problem of the ethnic and religious composition of the city of Derbent in the medieval era and modern times has not been studied in a wider period with the involvement of archive material. A more complete picture of the ethno-confessional composition of Derbent can be reconstructed basing on data of a different nature of sources, including narrative sources and archival documents. The present paper aims to recreate the most complete and objective picture of the formation of the ethno-confessional composition of Derbent in the context of the events of foreign-policy of the region that took place from the 6th and up to the 19th century. The author proposes an upper chronological bound, based on the study of ethnographers M.-R.A. Ibragimov and M.M. Magomedkhanov on the ethno-confessional composition of Derbent in the end of the 19th – early 21st century, which is based on the population census. The article presents a reasoned author's opinion regarding the ethnic composition of Derbent's population in the Sasanian, Arabic, Seljuk and pre-Mongol periods. The study conducted shows that the ethno-religious processes of the medieval Derbent were significantly influenced by the events of the foreign political nature in the region: in different time periods, depending on the foreign policy situation, the specific gravity of one or another ethnic component changed, representatives of one or another confession dominated in the city. With the beginning of the Seljuk era, an active process of Turkification of Derbent's population started, which continued over following periods. As a result, according to the household lists of 1886, $\frac{3}{4}$ of the city's population were Turks (modern Azerbaijanis), the rest $\frac{1}{4}$ part was composed of the Jews, Armenians and Russians.

Keywords: Derbent; ethno-religious composition; colonization; Sasanians; Arabs; Turks; Safavids; Ottomans; Armenians; Jews; Russians; Shiites; Sunnis.

Проблема формирования этнического облика и конфессионального состава Дербента на разных исторических этапах является одним из важных аспектов истории Дербента. Как известно, этно-конфессиональный состав Дербента постоянно менялся под влиянием общественно-политических изменений, событий внешнеполитического характера в регионе. На протяжении всей эпохи средневековья этническая карта города неоднократно перекраивалась. Каждая эпоха вносила свои коррективы, с установлением новой общественно-политической ситуации возрастал удельный вес того или иного этноса, который становился титульным в новых условиях [1, с. 196]. Неизменными оставались этно-культурное разнообразие и поликонфессиональный состав средневекового города. В данной работе прослеживается процесс эволюции этнической структуры и конфессионального состава населения Дербента, начиная позднесасанидского периода и до конца XIX в., поскольку этнодемографические процессы в городе Дербенте на основе Всероссийских (Всеобщих) переписей с конца XIX и до начала XXI в. изучены дагестанскими этнографами М.-Р.А. Ибрагимовым и М.М. Магомедхановым [2, с. 247–259; 3. с. 175–186.].

С V в. район Дербента оказался в сфере влияния Сасанидского Ирана – здесь иранские правители (шаханшахи) развернули строительство грандиозных оборонительных сооружений в целях защиты северных рубежей своей державы от кочевников – гуннов, савир, хазар и др. Дербент (*Дарбанд*) становится крупным фортификационным сооружением, включавшим цитадель, собственно город, образованный оборонительными городскими стенами, перекрывшими приморский проход, и 42-километровой Горной стеной (*Даг-бары*), преграждающей путь неприятелям в обход Дербента в пределы державы Сасанидов [4, с. 8–36]. По данным знаменитого арабского историка ат-Табари (ум. в 923 г.), строительство оборонительных сооружений в Дербенте и его округе велось в период правления трёх сасанидских царей: Пероза (459–484), Кавада (488–531) и Хосрова Ануширвана (531–579) [5, с. 191]. Сегодня достоверно известно о строительстве сырцовой фортификации Дербента в правление *шаханшаха* Йездигерда II (431–459), а каменного Дербентского оборонительного комплекса – при Хосрове Ануширване. В правление Пероза и Кавада, очевидно, производились ремонтные работы городских укреплений.

В досасанидский период обживались вершина Дербентского холма и примыкающие отроги Джалганского хребта, где располагалось хорошо защищенное естественными преградами Дербентское поселение, известное под названием Чор/Чол [6, с. 155–163]. В I–IV вв. в этнокультурном аспекте это был населенный пункт, развивавшийся как важный центр Кавказской Албании. Межстенное пространство города стало обживаться лишь с сасанидского периода после возведения оборонительных стен, перекрывших Дербентский проход. Касаясь вопроса этнического облика Чора-Дербента

V–VI вв. н.э., следует отметить, что город являлся важнейшим военно-стратегическим центром Сасанидов, здесь были расквартированы иранские воинские контингенты. Вместе с тем, материальная культура города этого времени, прослеживаемая на основе археологических исследований, несет в себе признаки как местной (кавказско-албанской) культуры, так и иранской (сасанидской). Особенно это проявляется в гончарном производстве, в архитектуре. Можно полагать, что это отразило этнокультурный облик города, его смешанного населения, представленного как местным кавказско-албанским населением, так и пришлым иранским.

В целях укрепления Дербентского прохода иранскими шахиншахами в район Дербента переселялось население из различных областей Ирана. Как сообщается в хронике «Дербенд-наме», «...Кубад и Ануширван привели [на Кавказ] из вилайета Фарс¹ много правителей [из числа своей] свиты и построили в этих пределах города» [7, с. 302]. При этом данная хроника уточняет, что непосредственно в город Дербент из разных районов Ирана было переселено 3000 семейств, служивших социальной опорой сасанидской власти в регионе [8, с. 168]. Таким образом, в позднесасанидский период в Дербенте и его округе поселилось значительное количество иранских военных колонистов – возможно, их потомками являются таты, говорящие на татском языке (относящемся к юго-западным иранским языкам) и населяющие селения в исторической округе Дербента. Они были расселены при крепостях вдоль Даг-бары, на них была возложена обязанность охранять горные проходы от вторжений врагов. Можно полагать, что в позднесасанидский период, особенно в середине VI–VII вв. ираноязычные группы в этническом составе жителей Дербента и его округа становятся доминирующими.

Определенную ясность в этническую структуру Дербента позднесасанидского периода вносят мемориально-строительные среднеперсидские надписи (известно более 30), обнаруженные разными исследователями, начиная с 1722 г. и до конца XX в., высеченные на оборонительных стенах Дербентского оборонительного комплекса VI в. В ряде надписей зафиксированы имена: одного из высокопоставленных должностных лиц сасанидского Ирана – *Дариуша*, *амаргара* (главы финансового ведомства) *Адурбадагана*, архитекторов, носящих иранские имена *Адургушнасп*, *Мошига*, *Рашну* [9, с. 35–86]. Данные надписи, можно полагать, свидетельствуют о значительном иранском элементе в этнической структуре позднесасанидского Дербента, в котором высокопоставленные должности занимали представители Сасанидского Ирана.

В V–VI вв. Дербент был крупным центром христианства на Кавказе. По данным раннесредневековых албанских авторов, здесь вплоть до середины VI в. находилась резиденция главы (католикоса Кавказской Албании) Албанской церкви, которую в 552 г. перенесли в столицу государства – Партав «после того, как страна наша попала под власть хазар, церковь и писания

1 *Фарс* – историческая область на юге Ирана с главным городом Шираз.

преданы были огню. Тогда во второй год Хозроя (Хосрова Ануширвана. – прим. Ш.М.), царя царей, в начале армянского летоисчисления перенесли престол патриарший из Чога (Чора, Дербента. – прим. Ш.М.) в столицу Партав, по случаю хищнических набегов врагов креста Господня» [10, с. 90]. Даже после перенесения престола католикоса в Партав, Дербент продолжал оставаться одним из крупных центров христианской религии в регионе, дворец католикоса существовал здесь и в начале VIII в. во время завоевания города арабским полководцем Масламой. Более того, как сообщал Мовсес Каланкатвази, Маслама не тронул «патриарший дворец», который, вероятно, представлял собой резиденцию дербентского епископа или архиепископа: «В 180 г. армянского летоисчисления (732 г. н.э.) Маслиман вторично выстроил Дербент..., но не разрушил восточного патриаршего дворца, который еще до сих пор (X в.) существует в нем» [10, с. 261]. Этот факт свидетельствует о толерантном отношении ранних мусульман к христианам и их духовно-религиозным ценностям.

Следует отметить, что среди знаков строителей Дербента середины VI в. [11, с. 81–114] представлены и христианские кресты, и знаки, не имеющие параллели в знаковой системе Ирана и, очевидно, представляющие знаковую систему Кавказской Албании. Это может указывать на участие в строительстве укреплений Дербента значительного количества местного кавказско-албанского населения. На это счет есть и прямое свидетельство албанского историка Мовсеса Каланкатвази, который сообщал, что «цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания (Дербента. – прим. Ш.М.), которое соорудили между горой Кавказом и великим морем Восточным» [10, с. 105].

С установлением власти Ирана и превращением района Дербента в одну из провинций державы Сасанидов, в городе начал распространяться и зороастризм – государственная религия Сасанидского Ирана. Об этом свидетельствуют многочисленные знаки на оборонительных стенах, представляющие собой зороастрийские символы в форме врезного круга с двумя короткими лучами-ленточками книзу, оставленных строителями-зороастрийцами [12, с. 67]. О роли зороастризма в системе конфессиональных отношений раннесредневекового Дербента позволяет говорить открытие рядом с городом единственного на Кавказе зороастрийского скального погребального комплекса V–VIII вв. [13, с. 51–63]. Зороастрийцами являлись в основной массе иранские военные колонисты.

В результате арабских завоеваний этническая структура и конфессиональный состав Дербента кардинально изменился. Как известно, впервые арабские войска овладели Дербентом в 22 г.х. / 642-643 г. Возглавил данный поход арабский полководец Сурака ибн Амр. В это время правителем Дербента являлся иранский наместник-*шахрийар*, представитель древнего и знатного иранского рода Шахр-Вараз. После переговоров Сурака пожаловал от имени халифа жителям города «и тем, кто вокруг них», грамоту, по

которой «он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (*вали*) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от [всех] повинностей (*джиза*), кроме призыва в войско (*хащр*), а призыв в войско – это замена их повинностей» [14, с. 13; 15, с. 38; 16, с. 73]. В охранной грамоте предусматривались не только безопасность жизни горожан, сохранность их имущества, но и религиозной общины (араб. *милла*), то есть свобода вероисповедания [16, с. 73]. В данном случае речь, очевидно, идет о зороастрийцах и христианах Дербента, которые, как и иудеи, относились к иноверцам – араб. *зимми*, что означало нахождение под защитой мусульман.

Первые походы арабов на Дербент не привели к вытеснению из региона иранского элемента, как видно, даже правителем города был оставлен представитель высшей иранской знати. В ходе последующих походов в городе усиливается арабский и вместе с ним исламский элемент. Окончательно арабам удалось закрепиться в Дербенте лишь в первой четверти VIII в. в результате серии военных походов против хазар [1, с. 218].

Одним из активных руководителей военных кампаний на Кавказ был арабский полководец Маслама, брат халифа Хашима, который отремонтировал всю инфраструктуру города и укрепил оборонительные сооружения. Подобно сасанидским правителям, арабы проводили колонизационную политику, заселяя Дербент и его округу тысячами арабских семейств в целях укрепления своего влияния и позиций ислама в завоеванных областях. По сообщениям ат-Табари и Баладзори, Маслама «заселил город Баб ал-абваб (Дербент. – прим. Ш.М.) 24 тыс. сирийцев с условием выплаты жалованья». Разделив город на четыре квартала, Маслама «одну часть отдал жителям Дамаска, вторую – жителям Куфы, третью – обществу ал-Джазиры, четвертую – жителям Химса» [17, с. 17; 5, с. 217].

«Дербенд-наме» повторяет эти сведения, при этом вносит существенные уточнения и дополнения: «В городе Дербенде [Маслама] сделал семь кварталов (*махалла*). Для ополчения (*та'ифа*) Урдун² построил в одном месте мечеть и сделал один квартал. Говорили, [что это] мечеть [для] хазарского племени. Для ополчения из Филистина³ сделали один квартал и мечеть, которую называли Филистинской мечетью. Для ополчения из Димишки⁴ сделали один квартал и построили мечеть, [которой] дали имя Димишкинская мечеть. И для ополчения из Хумиса⁵ сделали мечеть с названием Хумисская. И для ополчения из Кайсерина⁶ сделали один квартал и построили мечеть с названием Кайсеринская. Выполнили требование и ополчения из Джебзиры.

2 Урдун – «Иордан», «иорданский», араб. ал-Урдунну – Иордания.

3 Филистин – Палестина.

4 Димишки – г. Дамаск в Сирии.

5 Хумис – г. Хомс в западной Сирии.

6 Кайсерин или ал-Кайсарийа – древний, хорошо укрепленный город и одноименный округ в Палестине, неподалеку от Иерусалима

Для народа (*халк*) из Мусыла⁷ сделали один квартал.

Кроме этих мечетей, построили одну большую Соборную мечеть для совершения в ней пятничной молитвы» [18, с. 134–135]. Как сообщается в хронике, городские кварталы – *махалла*, образованные Масламой, соответствовали названию той области, откуда были родом жители данного квартала. Эти же названия носили и квартальные мечети. Только одна мечеть, называемая Хазарской, не была связана с арабскими поселенцами, и это есть свидетельство тому, что хазарское население города, обращенное в ислам, заселяло отдельный квартал [19, с. 93].

С приходом арабов численность хазар в Дербенте резко сократилась, они перестали влиять на общественно-политическое положение в регионе. Часть хазар бежала из города, другая часть была насильственно выселена при Масламе, приказавшем очистить город от тысяч хазарских семей [1, с. 196]. Оставшаяся в городе незначительная часть хазар была обращена в ислам, и заселяла один из городских кварталов. Видимо, компактное проживание хазар позволило им надолго сохранить собственный язык и культуру несмотря на то, что Дербент становится, по сути, арабо-мусульманским городом в этнокультурном, идеологическом и политическом отношениях. Ал-Истахри (X в.) утверждал, что «иногда жители Баб ал-абваба говорят на хазарском языке и на остальных их гор (языках народов – прим. Ш.М.)» [8, с. 222–223].

Таким образом, появление в Дербенте 24-тысячного арабского населения существенно изменило религиозную ситуацию и этнический состав горожан. Дербент превратился в опорный пункт арабов на севере Халифата с населением преимущественно из Сирии и Палестины. Арабский элемент становится доминирующим в этнической структуре города, вместе с тем, представители хазар и дагестанских народов, проживавшие в непосредственной близости от города, продолжали составлять часть городской общины.

С арабским завоеванием Дербента кардинальным образом изменилась и конфессиональная картина в городе. Вместе с арабскими походами и политикой колонизации в город начали проникать арабский язык и ислам, утвердившиеся здесь на века. Строительство Масламой в Дербенте в 733–734 гг. крупной пятничной мечети (*Джума-мечеть*) и семи квартальных мечетей превратил Дербент из крупного христианского центра в крупнейший на Кавказе и на севере Халифата исламско-идеологический центр, опорный пункт распространения арабо-мусульманской культуры и исламских ценностей на Северном Кавказе.

В 2015 г. Дербентской новостроечной археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (ныне ДФИЦ РАН) был выявлен и исследован раннемусульманский могильник за пределами средневекового города (*шахристан*) к северу от северной городской стены, захоронения на котором осуществлены в строгом соответствии с раннеисламскими погребальными нормами. Это наиболее

7 Мусыл – г. Мосул на севере Ирака.

ранний датированный мусульманский могильник в Дербенте и на Кавказе, относящийся к концу VIII – началу или середине IX в. [20, с. 202-226]. Данный некрополь является дополнительным доказательством доминирующей роли арабов и неарабов-мусульман в Дербенте в этот период, когда их могильники располагались уже за пределами северной городской стены – в зоне, являвшейся ранее «территорией войны» (араб. *дар ал-харб*).

В X–XI вв. в прикаспийских областях, в частности в Дербенте, в торговых и военно-политических целях появляются дружины русов, под которыми для этого периода следует понимать воинские контингенты славян и скандинавов (норманнов, варягов), приплывавших по Волге и Каспию на своих судах. Эмиры Дербента использовали русов в качестве наемников в борьбе против городских *раисов* и ширваншахов. Известно, что эмир Дербента Маймун ибн Ахмад в конце X в. имел личную гвардию из числа русов и очень дорожил ею [15, с. 68, 70-71, 89, 153]. В этом случае, вероятность нахождения русов в городе в качестве внушительной военной силы возрастает. Однако пребывание русов в городе было кратковременным явлением, поскольку в последующий период они не упоминаются в источниках в Дербенте, хотя военные походы продолжали совершать. Обращает внимание, что Дербент в отличие от других городов, расположенных южнее, не подвергался разорениям со стороны русов, что позволяет полагать о каких-то договорных отношениях между руководителями дружин русов и представителями власти Дербента, о возможном местонахождении в городе базы, торговой фактории русов.

Во второй половине XI – начале XII в. в связи сельджукскими завоеваниями усилился приток тюркских племен в этническую структуру города [21, с. 179]. К сожалению, скудость источников данной эпохи не позволяет более подробно осветить данную проблему. В то же время, по данным сохранившихся источников, очевиден факт проникновения в это время в городскую среду тюркского элемента. Так, В.Ф. Минорский указывал на то, что появление на монетах дербентских правителей второй половины XI – первой половины XIII в. тюркских имен (Бек-Барс, Арслан) отражали процесс тюркизации имен под влиянием сельджукских сюзеренов [15, с. 185]. А.А. Кудрявцев, развивая данную мысль, отмечал, что в это время шел процесс тюркизации не только имен правителей, но и городского населения, в результате которого тюркский язык получил широкое распространение в Дербенте, наряду с арабским и дагестанскими [22, с. 94].

Усиление в сельджукскую эпоху тюркского элемента в Дербенте прослеживается также по тюркским именам и тюркскому титулу «султан» предводителей отрядов *гази*ев (султан Пир‘Али ад-Димишки, султан Чумга, султан Шамс ад-дин, султан Баба и др.), похороненных в одной из мусульманских святынь Дербента – кладбище Кырхляр, датируемом XI–XII вв. В процессе тюркизации поменялся этнический состав *гази*ев, которые в отличие от предыдущего арабского периода, были неарабского происхождения, а тюркского и персидского, прибывшие с исторической родины тюрков-огузов

и территории Ирана [1, с. 484, 486–487]. Подтверждение этому находим у известного арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати (1080–1170), которому один из военачальников в Дербенте Абд ал-Малик ибн Абу Бакр, рассказывая об исламском походе против кубачинцев, сообщил, что ему удалось выступить в поход, «собрав множество тюрков» [23, с. 50].

Больше ясности в этом вопросе вносят исследования проф. А.Р. Шихсаидова. По его мнению, тюркское название Кырхлярского кладбища, несомненно, связано с компактным и длительным проживанием в самом Дербенте тюркоязычных народов, способствовавших распространению в районе Дербента новых тюркоязычных топонимов. Широкое распространение новых тюркских топонимов в Дагестане могло иметь место в кыпчакскую эпоху после XI в. [24, с. 55].

О значительной роли тюркского элемента в XI–XII вв. в самом Дербенте и прилегающих землях также можно судить по саркофагообразным надмогильным памятникам («сундукообразным», «полуцилиндрическим»), которые широко представлены в Южном Дагестане и Кайтаге – Гимейди, Мараге, Ерси, Белиджи, Кала-Корейше, Уркарахе и других местностях [23, с. 54–55; 25, с. 124, 127–128, 132–133, 322–323]. Исследователи придерживаются мнения об этнокультурной принадлежности саркофагообразных надмогильных камней сельджукским колонистам, среди которых доминирующими были тюрки-огузы. Как писал А.Р. Шихсаидов, «в захваченных странах сельджукские султаны раздавали представителям военно-кочевой знати огромные земельные массивы, целые города и села, иногда и области. Широкое распространение в подвластных сельджукам землях получила *икта* – владение землей на условии несения военной и гражданской службы» [19, с. 148]. Согласно «Летописи» Себастаци (XIII в.), «войска турок» находились в Дербенте вплоть до первого вторжения сюда монгол под предводительством Джебе и Субэдэя [26, с. 23].

Касаясь конфессиональной картины Дербента в сельджукский период, следует отметить заметное усиление суннитов. После падения в Халифате династии Буидов (935–1055), принадлежавших к шиитам, на рубеже 60–70-х гг. XI в. в Дербенте наблюдается тенденция к ослаблению позиции шиитской общины и усилению суннитов. Так, в эпоху Буидов должность имама Джума-мечети Дербента занимал шиит Абу Бакр ибн Али ал-Баби, после его смерти имамом стал Абу Абдаллах Мухаммед ибн Исмаил ал-Факих, который находился под влиянием суфизма. То же самое наблюдается и в отношении *муэдзинов* Джума-мечети. Вытеснение шиитов суннитами приобрело массовый характер. Активную роль в этом процессе приняли пришедшие к власти сунниты Сельджукиды, которые способствовали созданию на периферии новой религиозной элиты, лояльной новым центральным властям в Халифате [1, с. 495]. Как видно, впервые позиции шиизма утвердились в Дербенте еще в позднеарабский период, а не при первых Сефевидах, как об этом пишут отдельные авторы.

Интересные данные на этот счет дают эпиграфические материалы. На культовом памятнике Баб ал-Кийама (тюрк. *Кийамат-капы*, перс. *Дар-е Кийамат*), открытом и исследованном Дербентской археологической экспедицией, имеется надпись XI–XII вв., несомненно, шиитской направленности: «Йа, Али, дарвиш Садык» [27, с. 20–37; 28, р. 29–39]. А на другом мусульманском ритуально-культовом объекте, выявленном и изученном экспедицией в Дербенте, среди группы религиозных текстов XI–XII вв. представлена надпись с упоминанием четырех праведных халифов, что может указывать на суннитскую направленность культового объекта [29, с. 66–76; 30, с. 796–818].

В кавказоведческой науке утвердилось мнение о полиэтнической структуре Дербента домонгольского времени, о проживании в городе представителей многих дагестанских народов, основанное на сведениях известного арабского путешественника Абу Хамид ал-Гарнати, посетившего Дербент в 1131 г. Отмечается, что ал-Гарнати на маджлисе в Дербенте удалось услышать речь почти на всех дагестанских языках и не только: «лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, хайдакский, гумикский, сарирский, аланский, ассский, зирихкаранский, тюркский, арабский и персидский» [21, с. 179; 1, с. 197; 31, с. 16; 32, с. 101–102], на которые присутствующий на маджлисе эмир Абу-л-Касим переводил содержание книги известного арабского богослова Абу-л-Хасана Ахмада ибн Мухаммеда ал-Махамили ад-Дарбанди (978–1024) по мусульманскому правоведению (*фикх*). Как удалось установить А.Р. Шихсаидову, большинство вышеупомянутых языков соответствует современным дагестанским языкам и диалектам: лакзанский – лезгинскому, табаланский – табасаранскому, хайдакский – кайтагскому, зирихкаранский – кубачинскому диалектам даргинского языка, гумикский – лакскому, сарирский – аварскому, аланский – осетинскому, тюркскому, арабскому и персидскому языкам [21, с. 179–180].

Однако внимательное знакомство с текстом сочинения ал-Гарнати, позволяет установить, что данный маджлис происходил не в самом Дербенте, а в одном из населенных пунктов в окрестностях Дербента, возможно, в Табасаране, где в свое время возникшие опорные пункты арабов со временем превратились в т.н. «исламские центры» (араб. *ал-маракиз ал-исламийа*), в которых обучали арабскому языку, теологии и исламским наукам. «Прочитируем самого ал-Гарнати: «Выше Дербента [живет] множество народов... все они мусульмане», которые «говорят на разных языках... и есть у них простые мечети и соборные... А в противоположном конце мечети есть большое помещение, предназначенное для иноземных неученых гостей, что же касается людей науки (богословы), то их везут в свои дома. Я жил у одного из их эмиров, известного под именем Абу-л-Касим». [23, с. 26]. Как видно из самого сообщения, автор вначале характеризует город недалеко от Дербента, затем констатирует наличие здесь большого количества мечетей, при которых имелись гостевые помещения при мечетях для иноземцев, а ученых-богословов,

каковым был сам ал-Гарнати, и как почетных гостей, эмиры-военачальники пограничных крепостей поселяли в знак уважения в собственных домах.

К тому же, упоминаемый здесь ал-Гарнати эмир Абу-л-Касим не являлся эмиром Дербента, в 30–50-х гг. XII в. дербентским эмиром был Мухаммед ибн Халифа ибн ал-Муфарридж [1, с. 230], а был военачальником, подобно эмиру, одного из арабских военных поселений (*рустак*) [23, с. 49] в окрестностях Дербента. В этой связи большой интерес представляет мнение издателей и комментаторов сочинения ал-Гарнати О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта, которые отмечают, что ал-Гарнати мог быть принят эмиром одного из селений под Дербентом, у которого Абу-л-Касим получал уроки по мусульманскому праву [23, с. 10]. Таким образом, сообщение ал-Гарнати о том, что он услышал речь на многих дагестанских языках, следует отнести не к самому Дербенту, а, скорее, к одному из населенных пунктов «пограничной области» – исламских центров вблизи Дербента. Отсюда вытекает, что невозможно утверждать, что в предмонгольский период Дербент был населен представителями многих дагестанских народов, как это утвердилось в кавказоведении.

Сообщение ал-Гарнати вовсе не о том, что представители всех указанных языков и наречий на постоянной основе проживали в том населенном пункте, где он сам находился на тот период, они посещали эти исламские центры, как и Дербент, продолжавшие оставаться крупнейшими идеологическими центрами в регионе, с целью приобщения к исламу и арабской культуре, чтобы затем распространять эти религиозные знания в других землях Дагестана и Северного Кавказа. Средневековый арабский историк Закарийя ал-Казвини (1203–1283) подчеркивал значимую идеологическую роль Дербента, превратившегося в сельджукский период в крупный центр суфизма для остальных обществ Дагестана, в котором построено «много башен, [а] на каждой башне находится мечеть для тех, кто находится поблизости [соседей] и для тех, кто занят религиозными науками» [19, с. 39–40].

В XIII – начале XV в. Дербент, оказавшись в центре событий Чингизидов и Тимуридов, сильно пострадал. Были уничтожены значительные материальные и людские ресурсы города. А.Е. Криштопа, ссылаясь на данные французского посла в Монголию Гильома де Рубрука, побывавшего в Дербенте в конце 1254 г., который не упоминал о населении Дербента, но писал о жителях Шабрана [33, 186–187], что к югу от Дербента, полагал, что после многократного прохождения через Дербент огромных монгольских отрядов во время войны 1262–1267 гг. и штурма города с юга 17 декабря 1262 г., там вряд ли уцелели даже остатки первоначального населения [34, с. 79]. Далее на основании отсутствия эпиграфических памятников в Дербенте, относящихся к XIII в., исследователь отмечал об отсутствии постоянного населения в городе на данном длительном этапе [34, с. 80].

Монгольские завоевания пагубно отразились на положении Дербента, в том числе на его населении. Если в предмонгольский период в X – начале XIII в. численность городского населения составляла несколько десятков

тысяч жителей, а территория обживания занимала около 150 га [22, с. 138], то после монгольских завоеваний, сократился не только численный состав населения, который не превышал, видимо, и 5 тыс. человек, но и значительно сузилась территория обживания. Население проживало фактически лишь в верхней части Дербента, не ниже Джума-мечети. Арабский автор Абу-л-Фида (1273-1331) в своем «Перечне стран» (*Таквим ал-булдан*) писал, что «со слов некоторых путешественников, Баб ал-хаид (Дербент. – прим. Ш.М.) это городок, подобный деревням на Хазарском море... Баб ал-хаид незначительный, малонаселенный, маленький городок» [8, с. 296].

Со стабилизацией общественно-политической обстановки в регионе жизнь в Дербенте начала постепенно налаживаться, население стало возвращаться в город, здания и сооружения восстанавливаться. По данным венецианского посла при дворе шаха Амброзио Контарини, побывавшего в Дербенте в 1475–1476 гг., город «так немногочислен, что едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горою, по направлению к цитадели, населена...» [35, с. 92]. Относительно конфессионального состава города венецианец приводил важное сведение о том, «что все жители Дербента – магометане» [35, с. 93], т.е. мусульмане. Любопытны сведения Контарини о доброжелательном отношении жителей Дербента ко всем чужестранцам. За время его пребывания в этом городе с 12 ноября 1475 г. по 6 апреля 1476 г. ему и его соратникам не было причинено ни малейшей обиды. На вопрос местных жителей «Кто они такие? Последовал достаточно простой ответ: «христиане», и этого ответа было достаточно для дербентцев, чтобы отнестись к ним доброжелательно» [35, с. 92]. Эти сведения Контарини – яркое свидетельство тому, что жители Дербента еще в период средневековья отличались толерантным отношением к иноземцам и представителям других конфессий.

С установлением власти Сефевидов на Южном Кавказе и в Дагестане, в частности, произошли существенные изменения в этно-конфессиональной картине города. С целью укрепления собственных позиций в Дербенте по указу сефевидских шахов происходило переселение разных племен и народов в несколько этапов. Первый этап колонизации города начался при шахе Исмаиле (1501–1524), основателе династии Сефевидов. По этому поводу А.К. Бакиханов писал следующее: «Из древних грамот видно, что шах Исмаил переселил из Ирака племя *Баят* (туркменское племя. – прим. Ш.М.) в Эриван, а частью в Дербент и Шабран, чтобы усилить местных правителей» [36, с. 49]. Е.И. Козубский приводил более уточненные данные о переселенческой политике шаха Исмаила в Дербенте. По его сведениям, в 1509 г., вынудив сдаться дербентского правителя Яр Ахмеда Ягу, шах «переселил в город 500 семейств поколения *Румиев* (шиитское тюркоязычное племя. – прим. Ш.М.) из Тавриза; управление городом он отдал Мансур беку с титулом султана... С этих пор начинается персидское владычество в Дербенте, жители которого сделались шиитами» [37, с. 53].

Переселенческая политика была продолжена при шахе Тахмаспе I (1524–

1576). В целях господства на Дербентском проходе и усиления позиций шиизма в регионе шахом в Дербент были переселены «400 семейств из племени *Гурчиан* (*курчи* – тюркоязычное племя Ирана. – прим. Ш.М.)» [37, с. 54]. В основном переселенцы составляли воинский контингент. Таким образом, при первых двух сефевидских шахах в Дербент было переселено 900 семейств тюркоязычных шиитов. Если допустить, что в среднем в каждой семье находилось по 3–4 человека, то в городе в это время появилось примерно 2700–3600 чел. подданных шаха, которые существенным образом разнообразили этнический и конфессиональный состав города, учитывая общую малочисленность населения Дербента.

Между тем в Османской империи всерьез обеспокоились усилением влияния Сефевидов на Кавказе. Пришедший к власти в 1574 г. султан Мурад III (1546–1595) готовился возобновить войну против Сефевидов [38, с. 274]. По мере приближения османских войск жители Дербента, недовольные непосильными налогами и гнетом шахских ставленников-беглербегов в городе, подняли мятеж, уничтожили 300 кызылбашей и арестовали персидского наместника – правителя города Чираг Халифа. «Сунниты той крепости (Дербента. – прим. Ш.М.) истребили всех кызылбашей, находившихся в крепости, и посадили в темницу тогдашнего правителя Дербента Чирах-халифа», – замечал Ш. Фарзалиев [39, с. 106–107], ссылаясь на османский источник. Плененного дербентского беглербега Чирага Халифа отправили в ставку Осман-паши «в местечко Зардав», где ему было предложено стать мусульманином-суннитом. После отказа он был казнен [40, с. 134].

Поскольку османо-сефевидские войны происходили под флагом религиозных противоречий между суннитами и шиитами, то в период османского господства в Дербенте, начиная с 1580-х гг. и до 1606 г., влияние шиизма в городе было ослаблено. Контингент иранских войск Дербента, служивший опорой завоевательной политики сефевидских шахов, был уничтожен или изгнан.

В этот период город Дербент находился в разоренном состоянии, население уменьшилось в разы, торговые связи значительно сократились. По информации представителей английской Московской торговой компании, в результате войн между османами и персами крупные торгово-ремесленные центры региона – Шемаха, Баку, Дербент обезлюдели и были разорены настолько, что «нельзя было никак и ни за какую цену купить никакого другого товара, кроме шелка-сырца, да и тот можно было получить только через посредство паши, последний же вскоре после прибытия наших наложил дань шелком на всю страну» [41, с. 276].

Начало XVII в. в османо-сефевидской борьбе ознаменовалось перевесом в сторону Сефевидов. В 1603 г. шах Аббас I (1571–1629) начал военные действия против Турции. В 1606 г. по мере приближения войск шаха к Дербенту уцмий Рустем-хан с тремя сотнями кайтагской конницы вместе с дербентскими

жителями и отдельными горскими владетелями вынудили турецкий гарнизон в 60–70 человек сдать. После этого шах «поселил и в дербентской цитадели свой новый отряд в качестве гарнизона» [42, с. 43–44]. Описывая события тех лет, Е.И. Козубский приводит весьма интересные сведения о том, что «получив в свое владение Дербент, Аббас произвел в нем целый ряд работ с целью улучшить его оборону. Он выгнал из города суннитов и поставил в нем сильный гарнизон из кизылбашев, как называли персидских солдат, чтобы они держали в повиновении живущих в окрестностях суннитов. Управление Дербентом он поручил Чраг-Султану Устаджлу, помощником его был назначен Шах Назир бек» [37, с. 58]. Здесь следует уточнить, что когда автор говорит об изгнании шахом Аббасом I из города суннитов, то имеет в виду турецкий гарнизон, находящийся в крепости в период османского господства. С утверждением власти Сефевидов в Дербенте восстановились и позиции шиизма.

При шахе Аббасе I в Дербент переселилось значительное количество его подданных. Для проведения ремонтно-строительных работ в Дербенте шахом из Ирана были переселены лучшие мастера. Кроме того, в город было переселено «400 семейств *Баятского* племени под начальством Фергат бека». Переселенческая политика шаха Аббаса I, как верно замечал Е.И. Козубский, являлась частью политики утверждения персидского господства на Кавказе; при нем же в Гяндже была водворена часть племени каджаров [37, с. 59]. Возможно, в это же время выходцы из племени каджаров появились и в Дербенте. По крайней мере, есть предположение, что баяты являются частью племени каджаров [37, с. 59].

При шахе Аббасе I число иранских колонистов в Дербенте с каждым годом росло, поскольку колонизация являлась одним из методов утверждения сефевидского влияния в регионе. Здесь следует уточнить, что в основной своей массе эти колонисты являлись тюркоязычными (туркменскими по происхождению) этническими группами. Немецкий путешественник Адам Олеарий (1599–1671) застал очень интересную картину этнического состава населения Дербента, когда разные народности были заселены в отдельных частях города. Как он отмечал, из трех частей, на которые делился Дербент, в первой части, в цитадели, наряду с правителем находились «500 солдат из двух племен: *аюрумлу* и *койдурша*», средняя же часть была населена персами, а нижняя часть, которая «длиною в 2000 простых шагов, совершенно лишена домов имеет лишь немного садов и пашен... она была населена греками, вследствие чего и по сию пору именуется Шахер-Юнан» – «городом греков» [43, с. 486].

В плане Дербента, составленном в начале 20-х гг. XVIII в. (не позднее 1722 г.), данная местность обозначена как «Шалиер Лиман – старой греческой город», где отсутствуют какие-либо постройки [44, с. 124–126]. Упоминание о «греческом городе» Дербента само по себе вызывает интерес. До сих пор не ясно происхождение персидского топонима Шахер Юнан, который,

по Олеарию, некогда был заселен греками. Нам не известны какие-либо греческие колонии в средневековых городах Восточного Кавказа. Исследователь рукописных карт и планов Дербента XVIII в. Л.А. Гольденберг считал, что оба эти «названия отражают предание о «греческом царе» Александре Македонском и его городе Шехри-юнане, в действительности не существовавшем» [44, с. 140].

Можно предположить, что на данной территории Дербента, примыкающей непосредственно к побережью, где располагалась гавань, некогда была греческая фактория купцов. Возможно, происхождение этого топонима как-то связано с торговой деятельностью на Каспии венецианских и генуэзских купцов в XIV–XV вв. Вероятно, под воздействием разного характера факторов, «греческий город» перестал функционировать, но в народной памяти сохранился под персидским названием Шахер-Юнан.

Шах Аббас способствовал укреплению шиитского населения Дербента, устраивая гонения на местных суннитов. [45, с. 148]. Как констатировал Е.И. Козубский, «влияние Персии в этих владениях (в Дербенте и его округе. – прим. Ш.М.) было решительное. Здесь во всем брали образец с Персии; правительственные учреждения, общественный строй, цивилизация, нравы были персидские» [37, с. 59].

Сведения об этноконфессиональной картине Дербента приводит и Ян Стрейс (1630–1694), побывавший здесь в 1670 г. Он сообщает: «в городе Дербенте нет христиан, а только одни мухаммедане (мусульмане. – прим. Ш.М.) и немного евреев, которые гордятся своим происхождением от колена Веньяминова» [46, с. 246]. В этой связи укажем на информацию о находке в кладке старой синагоги Дербента вторично использованной строительной надписи о дарителях и постройке синагоги в 5374 г. по еврейскому Малому счислению, что соответствует 1614 году [47, с. 202].

Относительно XVII в. данные о численном составе населения Дербента можно почерпнуть из сочинения турецкого автора Эвлия Челеби, которому дважды удалось побывать в регионе, в 1640-е и 1660-е гг. По его данным, на тот период в городе «внутри крепости находилось до 1200 домов с плоскими крышами, покрытые глиной, и до тысячи домов за стенами крепости» [48, с. 123]. Здесь следует пояснить, что под крепостью автор, вероятно, подразумевал не саму цитадель Нарын-кала, а городское пространство, примыкающее к цитадели и ограниченное южной и северной городскими стенами и отделенное с востока поперечной стеной. Если предположить, что в каждом домовладении проживало в среднем по 5 чел., то городское население насчитывало всего лишь до 6 тыс. чел. При этом, мне представляется, что данные Челеби относительно количества домовладений в городе несколько преувеличены, поскольку, судя по поздним источникам, столько жителей не было в Дербенте даже в конце XVIII – начале XIX в.

Политика колонизации Дербента была продолжена Надир-шахом Афшаром (ум. 1747). В 1741 г. по его приказу в город было переселено «общество

Микри в числе 150 семейств». К этому же времени относится упоминание «племени *муганлы*, которое составляло часть гарнизона крепости Кабир, принадлежащей Дербенту», а также этнической группы суннитов *сурсур*, переселенной шахом из Турции [37, с. 90-91, 305]. Следует заметить, что в период дагестанской кампании Надир-шаха, Дербент, превращенный им в плацдарм, сильно пострадал. По данным Джонаса Хенвея, отправленного в 1743 г. из Санкт-Петербурга в Иран в качестве представителя английской Русской компании, дербентские «жители... вскоре почувствовали на себе роковые последствия» военных походов шаха в Дагестан. Постоянные стычки между горцами и шахскими отрядами «держали Дербент в том же бедственном положении, что и когда Надир покинул его. Мужчины старше шестнадцати лет были обязаны носить оружие, а молодых девушек старше четырнадцати выдавали замуж за новобранцев по произволу командующего; в то же время нехватка провизии вызвала множество смертей от голода». Многие дома в городе были разрушены, около 500 жителям были выколоты глаза по приказу шаха за один раз [49].

В первой четверти XVIII в., по данным Иоганна Густава Гербера (1690–1734), в Дербенте разговаривали на персидском, или фарси, «турецком и татарском помешанном». Важно уточнение автора о том, что фарси больше употребляло духовенство, а простой народ персидский язык не знал [50, с. 85].

Переселенные в разные годы иранскими шахами тюркоязычные племенные группы сохраняли собственные названия и жили отдельными кварталами еще на рубеже XIX–XX вв. Е.И. Козубский отмечал, что Дербент делился на девять кварталов, среди которых были кварталы, прямо указывающие на этническую принадлежность их жителей – *Микри*, *Баят*, *Сурсур* [37, с. 305]. Название племени *баят* до сих пор сохранилось и в названии городских ворот южной стены – *Баят-капы*. За этими воротами вне черты города еще в 1869 г., по данным А.В. Комарова, жили отдельным кварталом *баяты* [51, с. 84].

Таким образом, начиная с XI–XII вв. население Дербента на протяжении нескольких столетий постоянно подпитывалось различными тюркскими племенами, в особенности огузскими и туркменскими по происхождению. Процесс тюркизации населения Дербента усилился в контексте переселенческой политики сефевидских шахов. Относительно XV–XVI вв. В.В. Бартольд писал: «Дербент описывается уже не как арабский, а как тюркский город... О том, как и когда арабское население было вытеснено тюркскими пришельцами, мы не имеем никаких сведений. Этот процесс, очевидно, связан с постепенной тюркизацией Азербайджана и остальных северо-западных провинций Персии со времени сельджукской династии» [52, с. 247].

Переселенцы из Ирана представляли собой разнородное население, по всей видимости, не только ираноязычное, но в большей степени тюркское, большие притоки которого способствовали ассимиляции и вытеснению предшествующего населения Дербента [53, с. 36].

Е.И. Козубский считал, что переселенные «в Дербент шахами в разные

эпохи тюрки вынесли из Персии не только религию (шиизм. – прим. Ш.М.), но и многое из ее нравов, обычаев и т.п.». Основную массу населения города Дербента в конце XIX – начале XX в., по его утверждению, составляли потомки всех племенных объединений, переселенных в свое время в основном из различных областей Ирана и частично из Турции, говорящие на тюркском языке, но исповедующие шиизм. «Их часто неправильно называют персиянами, с которыми в действительности они имеют общего только религию, но влияние которых, вследствие долгого господства Персии в этих странах, сказывается на многих сторонах народной жизни» [37, с. 305].

Как видим, внешнеполитические события оказали значительное влияние на формирование тюркоязычного населения Дербента, потомками которого в определяющей степени являются современные дербентские тюрки-азербайджанцы, проживающие в старой исторической части города – в *магалах*. Появление большого количества разноплеменного тюркского населения в Дербенте относится к XVI–XVIII вв. и связано с политикой колонизации города иранскими шахами и их наместниками. Переселенные представители племен *баят*, *румлу*, *курчи*, *микри*, *сурсур* и др. составили, как представляется, основу формирования современного азербайджанского населения Дербента.

С вхождением Дербента в орбиту российского влияния этнический состав города подвергся значительным изменениям, в частности, за счет появления армянского населения. Появление армян в Дербенте было продиктовано важной ролью города в транскавказской международной торговле. И.Е. Козубский отмечал, что «армяне издавна составляли в Дербенте довольно видную часть населения, преимущественно торгово-промышленную» [37, с. 305].

Появление армянской общины в Дербенте относится, очевидно, к концу XVII–XVIII вв. После заключения между Московским государством и Ираном торгового договора 1667 г., предоставившим армянской Джульфинской компании («Нор-Джуги») право свободного вывоза восточного шелка через Россию в Европу, усилился приток армянских купцов в Дербент. Но ни один из авторов XVII в. не упоминал об армянах в качестве постоянного населения Дербента. Можно предположить, что в XVII в. армяне прибывали в город исключительно в коммерческих целях и постепенно начинали оседать здесь. Интересно сообщение Е.И. Козубского о строительстве в Дербенте армянской церкви при Сефевидах в XVII в., которая в последующем дважды перестраивалась [37, с. 269].

В период нахождения Западного Каспия в составе Российской империи (1722–1735 гг.) миграция армян в Дербент увеличилась. Российскими властями осуществлялась целенаправленная переселенческая политика по заселению прикаспийских областей представителями христианского населения в качестве надежной социальной опоры властям. После того, как Дербент в результате похода Петра Великого на Западный Каспий был присоединен к Российской империи, царь дал личное распоряжение ген.-лейт. М.А. Матюш-

кину активно привлекать и заселять армян в Дербенте, «отводить им земли торговым и ремесленным под дворы и огороды... по скольку надлежит» [37, с. 305].

В результате внешней политики российской власти в Дербенте в это время сложились три христианские общины: русская, армянская и грузинская. В 1722 г. после Персидского (Каспийского) похода Петра I здесь был размещен значительный российский воинский контингент, создан Дербентский гарнизон (численностью до 1500 чел.), в нижней части города построен земляной ретраншемент, здесь же сложилось и русское православное кладбище [50, с. 86]. На одной из карт Дербента 1720-х гг. указано, что в «третьем городе» проживали «обитатели армянские и индийские купцы, евреи и прочие», а вблизи от моря была расположена церковь грузинская, вокруг которой образовалась «слобода грузинская» [44, с. 127]. По свидетельству И. Гербера (1720-е гг.), в Дербенте проживало множество купцов из числа персов, армян, грузин и индийцев [49, с. 86]. После передачи Дербента Персии по договору 1735 г. русское и нерусское-христианское население покинуло город и в основной массе переселилось в основанную имперскими властями в 1735 г. крепость Кизляр.

Ф.Ф. Симонович приводит сведения о населении Дербента конца XVIII в. По его данным, в городе насчитывалось «домов обывательских Алиевой и Суннитской секты до 2090, а армянских около 90» [55, с. 143]. Ему вторит другой участник похода русских войск в Дагестан в 1796 г. П.Г. Бутков, писавший, что в Дербенте «домов персидских 2096 и 93 армянских» [56, с. 202].

После 1806 г. с окончательным присоединением Дербента к Российской империи часть армян вернулась из Кизляра в Дербент обратно [57, с. 46]. В 1810 г. в Дербенте насчитывалось 56 армян [37, с. 306], промышлявших в основном торговлей винно-водочных изделий и виноградарством. Приток армянского населения в Дербент продолжался и в течение всего XIX в. После присоединения Дербента к России в городе заметно увеличилось количество русского «православного населения военного и гражданского ведомства» с их семьями. Этим и было обусловлено и создание русских православных кладбищ в городе [58, с. 70-77]. Постепенно русское население города росло. С проведением железной дороги (1898 г.) намного увеличился приток в Дербент русского населения из числа военнотружущих, рабочих, торговцев, промышленников и т.д.

В XIX в. в Дербент начало переселяться значительное количество евреев из окрестных сел. В городе они находили убежище от преследований и притеснений правителей, где они издавна проживали. Так, после нападений Сурхай-хана Казикумухского на еврейское селение Абасова в Дербентском владении в 1796 г. или 1800 г., в результате которого были убиты 157 евреев, оставшаяся часть жителей вынуждена была поселиться в Дербенте, где их взял под покровительство правитель города Ших-Али-хан. Он уравнивал евреев

в правах с мусульманами и предоставил им статус постоянных жителей Дербента, разрешив селиться в центре города. У южной крепостной стены появился еврейский квартал, получивший название Тенге-махала [46, с. 201]. Точно также, в 1857 г. двое жителей селения Гимейди (расположено к западу от Дербента в 23 км, ныне оставлено жителями) – Мадатья Анания оглы и Иманил Галим оглы из-за притеснений бека были переселены в город дербентским уездным начальником.

Другой причиной притока евреев из близлежащих районов в Дербент было начавшееся развитие в городе разных отраслей промышленного производства, в частности, рыбной промышленности. По данным Е.И. Козубского, в 1806 г. в Дербенте евреев насчитывалось 166 чел., а на сентябрь 1903 г. их численность достигла 1623 чел. [37, с. 308]. Как видно, за 100 лет численность евреев в городе увеличилось почти в 10 раз. Строительные надписи из кладки дербентской синагоги «Келе-нумаз» свидетельствуют о ее постройке в 1849 г. и реставрации в 1914 г. [46, с. 202]. Как уже указывалось, строительство первой синагоги в Дербенте датируется 1614 г. Именно к XVII в. также относятся первые достоверные сведения А. Олеария и Я. Стрейса о евреях в Дербенте [43, с. 487; 45, с. 236]. К этому времени следует отнести процесс формирования еврейской общины Дербента, а не к XVIII в., как отмечает исследователь этнокультурных процессов в Дербенте З.У. Махмудова [59, с. 21].

На рубеже XIX–XX вв. основное население Дербента состояло из тюрков-азербайджанцев, евреев, русских и армян, другие национальности были представлены в незначительном количестве [37, с. 304]. Сведения о численности и составе населения Дербента в конце XIX в. приводятся в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, основанные на данных переписи населения. По состоянию на 1886 г. в Дербенте проживали: азербайджанские татары – 8697 чел., евреи – 1830 чел., русские – 620 чел., армяне – 371 чел. В 1888 г. в городе всего числилось 14185 чел., а в 1891 г. – 15265 чел., из них мусульманами являлись 10243 чел, евреями – 2490 чел., православными – 1319 чел., армянами-григорианами – 875 чел., католиками – 201 чел. и лютеранами – 16 чел. В городе функционировало 14 мечетей, 3 синагоги, армянская и православная церкви [60, с. 423].

По данным «Памятной книжки Дагестанской области», на 1894 г. численность населения Дербента составляла 15594 чел., из них 9217 чел. мужского пола, 6377 чел. женского. Коренное население составляло 6854 чел. мужчин, 5330 чел. женщин, проживающих в 2446 дымах (семействах). Временно проживали в городе на тот период 1331 мужчина и 984 женщины, а военные вместе с семьями составляли чуть более 1 тыс. чел. [61, с. 158, 160.].

Как видно из этих статистических данных, в конце XIX в. численность городского населения Дербента росла быстрыми темпами, в основном за счет притока русских из центральной России, армян из прикаспийских областей и Южного Кавказа, и евреев из близлежащих к городу населенных пунктов.

Так, за 5 лет (1886–1891 гг.) численность русских в городе выросла почти на 213 %, евреев – на 136 %, армян – около 236 %. В то же время наблюдался естественный прирост местного мусульманского городского населения, оно увеличилось за этот же период почти на 18 %. Как видно, основным источником роста численного состава населения города являлся не естественный прирост, а миграционные процессы.

Для реконструкции более точной картины этноконфессионального состава городского населения Дербента конца XIX в. нами изучены посемейные списки жителей города за 1886 г., представляющие большую ценность для анализа протекавших этнических, конфессиональных, а также сословно-имущественных и демографических процессов. Так, по этим данным в Дербенте числилось всего 2621 дымов (семейств), из них 1969 (74,6 %) дымов являлись азербайджанскими (в документах указано «тюрки», язык – «адербайджанский»), 308 (11,7 %) – еврейскими, 241 (9,1 %) – русскими, 95 (3,6 %) – армянскими, 6 (0,2 %) – польскими и 2 (0,07 %) – немецкими⁸. Относительно конфессионального состава укажем, что только 73 азербайджанских семейства (189 мужчин, 164 женщины) являлись мусульманами-суннитами, которые проживали в «слободе Сабнова», административно относившейся к городу Дербенту, остальные 1896 семейств, проживающие в девяти магалах, являлись шиитскими⁹. Следует указать на одну важную особенность – на компактное расселение дербентцев по этническому признаку: азербайджанцы проживали в верхней исторической части города, прилегающей к крепости – *магалах*, центральные кварталы занимали евреи и армяне, русское воинское и гражданское население жило в цитадели и в новых построенных кварталах в приморской части Дубары [62, с. 151]. Частично русское население, как видно из посемейных списков, проживало и в еврейском квартале.

Как нам удалось проследить, на всех этапах развития Дербента в зависимости от конкретной военно-политической ситуации, которая складывалась в городе и в регионе в целом, происходила колонизация города представителями тех или иных этнических групп и конфессий. Великие завоеватели Дербента прекрасно понимали, что надолго утвердиться в городе можно не одним военным путем, а колонизируя его, создавая собственный этноконфессиональный элемент, лояльную прочную социальную опору. Начиная с раннего средневековья и по сей день в городе проживали и продолжают жить представители разных народов, этнических групп и конфессий. При этом в зависимости от складывающейся ситуации ведущее место отводилось тем или иным этноконфессиональным группам.

8 Посемейные списки жителей города Дербента // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 22, 23. Ч. I-II. Лл. 1-628.

9 Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). М., 2003. – 847 с.
2. Ибрагимов М.-Р.А., Магомедханов М.М. Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. С. 247–259.
3. Ибрагимов М.-Р.А. О роли этнодемографических факторов в истории города Дербента (конец XIX – начала XXI в.) // Дербент в историческом процессе Кавказа и России / Материалы Международной научной конференции, посвященной 2000-летию г. Дербента. Махачкала, 2015. С. 175–186.
4. Гаджиев М.С. Даг-бары – Великая Кавказская стена // Дагестанские святыни. Кн. 2. / Сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Махачкала, 2008. С. 8–36.
5. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008. С. 188–214.
6. Гаджиев М.С. Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 гг.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. 2017. С. 155–163.
7. «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана: тексты и комментарии. Махачкала, 2012. – 408 с.
8. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. – 464 с.
9. Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI в. М., 2006. – 128 с.
10. Моисей Каганкатвацци. История агван. СПб., 1861. – 376 с.
11. Гаджиев М.С. Опыт интерпретации знаков строителей Дербента // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник статей памяти С.А. Плетневой. М.: ИА РАН, 2016. С. 81–114.

REFERENCES

1. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Raikhan al-haka'ik" (XI – XII centuries)*. Moscow, 2003. (In Russ).
2. Ibragimov M-RA., Magomedkhanov MM. Ethno-demographic aspects of the formation of the urban population of Dagestan (second half of the XIX - early XXI centuries) [Etnodemograficheskiye aspekty formirovaniya gorodskogo naseleniya Dagestana (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)] *Bulletin of St. Petersburg University. History [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija]*. 2009: 247–259. (In Russ).
3. Ibragimov M-RA. On the role of ethno-demographic factors in the history of the city of Derbent (late XIX – early XXI centuries) [O roli etnodemograficheskikh faktorov v istorii goroda Derbenta (konets XIX – nachala XXI v.)] *Derbent in the historical process of the Caucasus and Russia / Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 2000th anniversary of the city of Derbent*. Makhachkala, 2015: 175–186. (In Russ).
4. Gadzhiev MS. Dag-bary – the Great Caucasus wall [Dag-bary – Velikaya Kavkazskaya stena] *Dagestan shrines. Book 2 [Dagestanskiye svyatyuni. Kn. 2] / Comp. and ed. by A.R. Shikhsaidov*. Makhachkala, 2008: 8–36. (In Russ).
5. The book of at-Tabari «The History of Messengers and Kings» about the peoples of the North Caucasus // *Shikhsaidov AR. Studies on the history, source studies of the archeography of medieval Dagestan*. Makhachkala, 2008: 188–214. (In Russ).
6. Gadzhiev MS. Derbent settlement: the results of excavations (2012–2016) [Derbentskoye poseleniye: nekotoryye itogi raskopok (2012–2016 gg.)] *RFBR Bulletin. Humanities and social sciences [Vestnik RFFI. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki]*. № 2. 2017: 155–163. (In Russ).
7. “Derbend-nameh” in the languages of the peoples of Dagestan: texts and commentaries [«Derbend-name» na yazykakh narodov Dagestana: teksty i kommentarii]. Makhachkala, 2012. (In Russ).
8. Gadzhiev MS., Davudov OM., Shikhsaidov AR. *The history of Dagestan from ancient times to the end of the XV century [Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do kontsa XV v.]*. Makhachkala, 1996. (In Russ).
9. Gadzhiev MS., Kasumova SY. *Middle Persian inscriptions of Derbent of the VI century [Srednepersidskiye nadpisi Derbenta VI v.]*. Moscow, 2006. (In Russ).
10. Movses Kaghankatvatsi. *The History of Aghuank [Istoriya agvan]*. St. Petersburg, 1861. (In Russ).

12. Гаджиев М.С., Хуфф Д. Строительные знаки Дербента VI в. н.э. (предварительное сообщение) // Археологическая конференция Кавказа. Краткое содержание докладов. Тбилиси, 1998. С. 66–68.

13. Гаджиев М.С. Зороастрийский погребальный комплекс близ Дербента // Российская археология. 2007. № 4. С. 51–63.

14. Ибн-ал-Асир. Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ал-камиль» (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку, 1940. – 184 с.

15. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963. – 256 с.

16. Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока периода феодализма. М., 1986. С. 66–91.

17. Баладзори. Книга завоевания стран / Текст и пер. П.К. Жузе. Баку, 1927. – 43 с.

18. «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана. С. 134–135.

19. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969. – 252 с.

20. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиев А.Л., Абдулаев А.М., Абиев А.К. Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-абвабе) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (63). 2019. С. 202–226.

21. Шихсаидов А.Р. Этническая ситуация средневекового дагестанского города (Дербент в XII в.) // Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008. С. 179–180.

22. Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана. Махачкала, 1994. – 320 с.

23. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. – 136 с.

24. Магомедов М.Г., Шихсаидов А.Р. Калакорейш (Крепость курейшитов). Махачкала, 2000. – 230 с.

25. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 461 с.

26. Армянские источники о монголах:

(Russ).

11. Gadzhiev MS. The experience of interpreting the signs of the builders of Derbent [Opyt interpretatsii znakov stroiteley Derbenta] *Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection of articles in memory of S.A. Pletneva [Stepi Vostochnoy Yevropy v sredniye veka. Sbornik statey pamyati S.A. Pletnevoy]*. Moscow: IA RAS, 2016: 81–114. (In Russ).

12. Gadzhiev MS., Huff D. Building marks of Derbent of the VI century AD (preliminary report) [Stroitel'nyye znaki Derbenta VI v. n.e. (predvaritel'noye soobshcheniye)] *Archaeological Conference of the Caucasus. Summary of reports [Arkheologicheskaya konferentsiya Kavkaza. Kratkoye sodержaniye dokladov]*. Tbilisi, 1998: 66–68. (In Russ).

13. Gadzhiev MS. Zoroastrian burial complex near Derbent [Zoroastriyskiy pogrebal'nyy kompleks bliz Derbenta] *Russian Archeology [Rossiyskaya arkheologiya]*. 2007. № 4: 51–63.

14. Ibn al-Asir. *Materials on the history of Azerbaijan from "Tarikh al-Qamil" (Full set of history) by Ibn al-Asir [Materialy po istorii Azerbaydzhana iz «Tarikh-al-kamil'» (Polnogo svoda istorii) Ibn-al-Asira]*. Baku, 1940.

15. Minorsky VF. *History of Shirvan and Derbend of the 10th – 11th centuries [Istoriya Shirvana i Dərbenda 10-11 vv.]* Moscow, 1963. (In Russ).

16. Shikhsaidov AR. The book of at-Tabari "The History of Messengers and Kings" about the peoples of the North Caucasus [Kniga at-Tabari «Istoriya poslannikov i tsarey» o narodakh Severnogo Kavkaza] *Monuments of the history and literature of the East period of feudalism [Pamyatniki istorii i literatury Vostoka period feodalizma]*. Moscow, 1986: 66–91. (In Russ).

17. Baladzori. *The book of conquest of countries [Kniga zavoyevaniya stran]* / Text and trans. by P.K. Zhuze. Baku, 1927. (In Russ).

18. "Derbend-nameh" in the languages of the peoples of Dagestan [«Derbend-name» na yazykakh narodov Dagestana]. P. 134–135. (In Russ).

19. Shikhsaidov AR. *Islam in medieval Dagestan (VII–XV centuries) [Islam v srednevekovom Dagestane (VII–XV vv.)]*. Makhachkala, 1969. (In Russ).

20. Gadzhiev MS., Taymazov AI., Budaychiev AL., Abdulaev AM., Abiev AK. Early Muslim necropolis in Derbent (Bab al-Abwab) [Rannemusul'manskiy nekropol' v Dərbente (Bab al-abvabe)] *Problems of history, philology, culture [Problemy istorii, filologii, kul'tury]*. № 1 (63). 2019: 202–226. (In Russ).

21. Shikhsaidov AR. The ethnic situation of the medieval Dagestan city (Derbent in the XII century) [Etnicheskaya situatsiya srednevekov-

Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеармянского, предисловие и примечания А.Г. Галстяна. М., 1962. – 141 с.

27. Гаджиев М.С. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей в честь проф. А.Р. Шихсаидова / Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., 2010. С. 20–37.

28. Hajiev M. Bab al-Qiyama: a Medieval Cultic Site in Derbend // *Islam and Sufism in Daghestan*. Ed. by Moshe Gammer. (Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ. Humaniora. Vol. 352). Helsinki, 2009. P. 29–39.

29. Гаджиев М.С. Исследования средневекового мусульманского ритуального комплекса в Дербенте // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. Казань, 2016. С. 66–76.

30. Гаджиев М.С., Шихсаидов А.Р., Аликберов А.К. Арабские эпиграфические памятники XI–XII вв. новооткрытого мусульманского ритуально-обрядового комплекса в Дербенте // *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова*. М., 2016. С. 796–818.

31. Гаджиев М.С. Дербент – памятник мировой истории и культуры // Вестник ИАЭ. №1. 2015. С. 5–20.

32. Хапизов Ш.М. Этноконфессиональный состав населения средневекового Дербента (до начала XIX в.) // *Caucaso-Caspica: Труды Института автохтонных народов Кавказско-каспийского региона*. Вып. I. Ереван, 2016. С. 101–111.

33. Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957. – 270 с.

34. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. М., 2007. 228 с.

35. Путешественники об Азербайджане. Т. 1. Баку, 1961. 500 с.

36. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. – 305 с.

37. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. – 468 с.

38. Магарамов Ш.А. Крымское ханство и османо-сефевидская война 1578–1590 гг. // Мир Бекир Чобан-заде / Сборник

go dagestanskogo goroda (Derbent v XII v.)] *Studies on the history, source study, archeography of medieval Dagestan [Ocherki istorii, istochnikovedeniya, arkheografii srednevekovogo Dagestana]*. Makhachkala, 2008: 179–180. (In Russ).

22. Kudryavtsev AA. *Muslim city of Dagestan [Musul'manskiy gorod Dagestana]*. Makhachkala, 1994. (In Russ).

23. *The Journey of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131–1153) [Puteshestviye Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu (1131–1153 gg.)]*. Moscow, 1971.

24. Magomedov MG., Shikhsaidov AR. *Qala-Quraysh (Fortress of the Qurayshites) [Kalakoreysh (Krepost' kureyshitov)]*. Makhachkala, 2000.

25. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the X–XVII centuries as a source for history*. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ).

26. *Armenian sources about the Mongols: extracts from manuscripts of the XIII–XIV centuries [Armyanskiye istochniki o mongolakh: Izvlecheniya iz rukopisey XIII–XIV vv.]* / Transl. from ancient Armenian, foreword and notes by A.G. Galstyan. M., 1962.

27. Gadzhiev M.S. Bab al-Qiyama - a medieval Muslim religious place in Derbent [Bab al-kiyama – srednevekovoye musul'manskoye kul'tovoye mesto v Derbente] *Dagestan and the Muslim East. Collected articles in memory of prof. A.R. Shikhsaidov [Dagestan i musul'manskiy Vostok. Sb. statey v chest' prof. A.R. Shikhsaidova]* / Comp. and ed. A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov. Moscow, 2010: 20–37. (In Russ).

28. Gadzhiev MS. Bab al-Qiyama: a Medieval Cultic Site in Derbend *Islam and Sufism in Daghestan*. Ed. by Moshe Gammer. (Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ. Humaniora. Vol. 352). Helsinki, 2009: 29–39.

29. Gadzhiev MS. Studies of the medieval Muslim ritual complex in Derbent [Issledovaniya srednevekovogo musul'manskogo ritual'nogo kompleksa v Derbente] *Proceedings of the Congress of Islamic Archeology of Russia and the CIS countries [Materialy Kongressa islamskoy arkheologii Rossii i stran SNG]*. Kazan, 2016: 66–76. (In Russ).

30. Gadzhiev MS., Shikhsaidov AR., Alikberov AK. Arabic epigraphic monuments of the 11th – 12th centuries of the newly discovered Muslim ritual complex in Derbent [Arabskiye epigraficheskiye pamyatniki XI–XII vv. novootkrytogo musul'manskogo ritual'no-obryadovogo kompleksa v Derbente] *Ars Islamica: in memory of Stanislav Mikhailovich Prozorov*. Moscow, 2016: 796–818. (In Russ).

31. Gadzhiev M.S. Derbent as a monument of history and culture of the world [Derbent – pamyat-

материалов II Крымской международной тюркологической конференции. Симферополь, 2013. С. 274–278.

39. Фарзалиев III. Османский хронист Ибрахим Рахимизаде о Дагестане (70-е годы XVI века) // Восточные источники по истории Дагестана / Сборник статей и материалов. Махачкала, 1980.

40. Гусейн Ф. Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг. по материалам трудов османского летописца Ибрахима Рахимизаде. Баку, 2005. – 214 с.

41. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938. – 308 с.

42. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994. – 173 с.

43. Оларий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 578 с.

44. Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 115-140.

45. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. 250 с.

46. Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. 415 с.

47. Кашовская Н.В. Иудеи в историческом пространстве Дербента и его округи. По данным личных исследований // Дербент – город трех религий / Доклады и сообщения Международной научно-практической конференции. Дербент, 2015. С. 198-204.

48. Эвлия Челеби. Книга путешествий Сейхатнаме. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983. 225 с.

49. Мусаев М.А. Свидетельство очевидца: Путешествие из России в Персию в 1746-47 гг. // Вестник Дагестанского научного центра. Вып. 76. 2020 (в печати).

50. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 60-120.

51. Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник

nik mirovoy istorii i kul'tury] *Bulletin of IHAE*. № 1. 2015: 5–20. (In Russ).

32. Khapizov SM. Ethnic and confessional composition of the population of medieval Derbent (until the early 19th century) [Etno-konfessional'nyy sostav naseleniya srednevekovogo Derbenta (do nachala XIX v.)] *Caucaso-Caspica: Proceedings of the Institute of Indigenous Peoples of the Caucasus-Caspian Region*. Vol. I. Yerevan, 2016: 101–111. (In Russ).

33. *Plano Carpini and Rubruk's trip to the Eastern countries [Puteshestviye v Vostochnyye strany Plano Karpini i Rubruka]*. Moscow, 1957. (In Russ).

34. Krishtopa AE. *Dagestan in the XIII – early XV centuries. Study of political history [Dagestan v XIII – nachale XV vv. Ocherk politicheskoy istorii]*. Moscow, 2007. (In Russ).

35. *Travelers on Azerbaijan [Puteshestvenniki ob Azerbaydzhanе]*. Vol. I. Baku, 1961. (In Russ).

36. Bakikhanov AK. *Golestan-e Eram*. Baku, 1991.

37. Kozubsky EI. *History of the city of Derbent [Istoriya goroda Derbenta]*. Temir-Khan-Shura, 1906. (In Russ).

38. Magaramov SA. The Crimean Khanate and the Ottoman-Safavid war of 1578-1590 [Krymskoye khanstvo i osmano-sefevidskaya voyna 1578–1590 gg.] *Mir Bekir Choban-zade / Collection of materials of the II Crimean International Turkological Conference [Mir Bekir Choban-zade / Sbornik materialov II Krymskoy mezhdunarodnoy tyurkologicheskoy konferentsii]*. Simferopol, 2013: 274–278. (In Russ).

39. Farzaliev S. Ottoman chronicler Ibrahim Rakhimizade about Dagestan (70s of the XVI century) [Osmanskiy khronist Ibrakhim Rakhimizade o Dagestane (70-e gody XVI veka) *Oriental sources on the history of Dagestan / Collection of articles and materials [Vostochnyye istochniki po istorii Dagestana / Sbornik statey i materialov]*. Makhachkala, 1980. (In Russ).

40. Guseyn F. *Osman-Safavid war of 1578-1590 based on the works of the Ottoman chronicler Ibrahim Rahimizade [Osmano-sefevidskaya voyna 1578–1590 gg. po materialam trudov osmanskogo letopista Ibrakhima Rakhimizade]*. Baku, 2005. (In Russ).

41. *English travelers in the Moscow state in the XVI century [Angliyskiye puteshhestvenniki v Moskovskom gosudarstve v 16 veke]*. Leningrad, 1938. (In Russ).

42. Alcadari G-E. *Asari-Dagestan*. Makhachkala, 1994.

43. Oleary A. *Description of the trip to Moscow and through Moscow to Persia and back [Opisaniye puteshhestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v*

статистических сведений о Кавказе. Т. I. Тифлис, 1869. С. 1–124.

52. Бартольд В. В. Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 419–430.

53. Гаджиева С. Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. М., 1999. – 358 с.

54. Гаджиев М. С., Иноземцева Е. И., Чекулаев Н. Д. Дербентский гарнизон Низового корпуса Русской Императорской Армии (1722–1735): краткий обзор // Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 г. СПб., 2019. С. 72–87.

55. Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 138–156.

56. Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 200–208.

57. Магомедов Н. А., Магарамов Ш. А. Образование армянской диаспоры Дербента и ее роль в развитии торговых контактов города в XVIII в. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015. С. 43–49.

58. Гаджиев М. С., Бакушев М. А. Захоронения солдат 10-го Грузинского линейного батальона (1831 г.) в цитадели Дербента // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных регионов. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 114–116.

59. Махмудова З. У. Дербент в XIX – начале XX в. Этносоциальные и этнокультурные процессы. Автореф. канд. дисс. М., 2003. 26 с.

60. Кузнецов Н. Дербент // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. X. СПб., 1893. С. 423.

61. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. – 274 с.

62. Магомедханов М. М., Ибрагимов М.-Р. А. Этническая демография Дербента

Persiyu i obratno. St. Petersburg, 1906. (In Russ).

44. Goldenberg LA. Handwritten maps and plans of the XVIII century as a source on the history of the city of Derbent [Rukopisnyye karty i plany XVIII v. kak istochnik po istorii goroda Derbenta] *Archaeographic Yearbook for 1963 [Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1963 g.]*. Moscow, 1964: 115–140. (In Russ).

45. Umakhanov M-SK. *Relationship of the feudal ownership and liberation war of the peoples of Dagestan in the XVII century [Vzaimootnosheniya feodal'nykh vladeniy i osvoboditel'naya bor'ba narodov Dagestana v XVII veke]*. Makhachkala, 1973. (In Russ).

46. Streis I. *Three trips [Tri puteshestviya]*. Moscow, 1935. (In Russ).

47. Kashovskaya NV. Jews in the historical space of Derbent and its environs. According to personal research [Iudei v istoricheskom prostranstve Derbenta i yego okrug. Po dannym lichnykh issledovaniy] *Derbent – the city of three religions / Reports and messages of the International scientific and practical conference [Derbent – gorod trekh religiy / Doklady i soobshcheniya Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii]*. Derbent, 2015: 198–204. (In Russ).

48. Evliya Chalabi. *Seyahatnam Travel Book. The lands of Transcaucasia and adjacent lands of Asia Minor and Iran [Kniga puteshestviy Seyahatname. Zemli Zakavkaz'ya i sopredel'nykh oblastey Maloy Azii i Irana]*. Moscow, 1983. (In Russ).

49. Musaev MA. A story of an eyewitness: Traveling from Russia to Persia in 1746–47 *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. Vol. 76. 2020 (in print).

50. Herber J. Description of lands and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728 [Opisaniye stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII-XIX centuries. Archive materials*. Moscow, 1958: 60–120. (In Russ).

51. Komarov AV. Lists of populated areas of the Dagestan region [Spiski naselennykh mest Dagestanskoy oblasti] *Collection of statistical information about the Caucasus [Sbornik statisticheskikh сведений o Kavkaze]*. Vol. I. Tiflis, 1869: 1–12. (In Russ).

52. Bartold VV. *Essays [Sochineniya]*. Vol. III. М., 1965: 419–430.

53. Gadzhieva SS. *Dagestan Azerbaijanis. XIX – beginning of XX century: historical and ethnographic study [Dagestanskiye azerbaydzhantsy. XIX – nachalo XX v.: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye]*. Moscow, 1999.

54. Gadzhiev MS., Inozemtseva EI., Chekulaev ND. Derbent garnison of the Lower Corps of the Russian Imperial Army (1722–1735): a brief overview

в контексте истории российско-кавказских отношений // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию Института ИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2014. С. 150–152.

Статья поступила в редакцию 05.02.2020 г.

[Derbentskiy garnizon Nizovogo korpusa Russkoy Imperatorskoy Armii (1722–1735): kratkiy obzor] *Peter I and Vostok. Proceedings of the XI International Peter's Congress. June 1–2, 2018*. St. Petersburg, 2019: 72–87.

55. Simonovich F.F. Description of South Dagestan. 1796 [Opisaniye Yuzhnogo Dagestana. 1796 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII - XIX centuries. Archive materials*. Moscow, 1958: 138–156.

56. Butkov PG. Excerpts from the "draft report on the Persian expedition in the form of letters". 1796 [Vyderzhki iz «Proyekta otcheta o persidskoy ekspeditsii v vide pisem». 1796 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII – XIX centuries. Archival materials*. Moscow, 1958: 200–208. (In Russ).

57. Magomedov NA., Magaramov SA. The formation of the Armenian diaspora of Derbent and its role in the development of trade contacts of the city in the XVIII century [Obrazovaniye armyanskoy diaspory Derbenta i yeye rol' v razvitii torgovykh kontaktov goroda v XVIII v.] *Armenians of the South of Russia: history, culture, common future [Armyane Yuga Rossii: istoriya, kul'tura, obshcheye budushcheye]*. Rostov-on-Don, 2015: 43–49. (In Russ).

58. Gadzhiev MS., Bakushev MA. Burials of soldiers of the 10th Georgian Linear Battalion (1831) in the Citadel of Derbent *Reflection of civilization processes in the archaeological cultures of the North Caucasus and adjacent regions. Anniversary of the XXV Krupnovsky Readings on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of reports*. Vladikavkaz, 2008: 114–116. (In Russ).

59. Makhmudova ZU. *Derbent in the 19th - early 20th centuries. Ethnosocial and ethnocultural processes [Derbent v XIX – nachale XX v. Etnosotsial'nyye i etnokul'turnyye protsessy]*. Abstract of cand. diss. Moscow, 2003. (In Russ).

60. Kuznetsov N. *Derbent Encyclopedic Dictionary by F.A. Brockhaus and I.A. Efron*. Vol. X. St. Petersburg, 1893. (In Russ).

61. Kozubsky EI. *The memorial book of the Dagestan region [Pamyatnaya knizhka Dagestanskoy oblasti]*. Temir-Khan-Shura, 1895. (In Russ).

62. Magomedkhanov MM., Ibragimov M-RA. Ethnic demography of Derbent in the context of the history of Russian-Caucasian relations *Dagestan in the Caucasian historical and cultural space. Proceedings of the International Conference dedicated to the 90th anniversary of the Institute of HAE DSC RAS*. Makhachkala, 2014: 150–152. (In Russ).